

Privacy v/s Publicity: disastrous inversion of Screen-Culture
Isaev A (Russian Federation)
Privacy v/s Publicity: роковая инверсия экранной культуры
Исаев А. А. (Российская Федерация)

*Исаев Александр Александрович / Isaev Alexander – доктор философских наук, профессор,
кафедра философии и права,*

Сургутский государственный университет ХМАО-Югры, г. Сургут

Аннотация: интенция публичности, столь распространенная и характерная для Screen-Culture, и есть репрезентация «инстинкта смерти»

Abstract: intension publicity which so diffused and characteristic for a Screen-Culture is instinct's for death representation.

Ключевые слова: Эрос, Танатос, Flying Skirt, гипер-публичность, «частность человеческого существования».

Keywords: Eros, Thanatos, Flying Skirt, Hyper-Publicity, «particular of human existence».

Сравните: незыблемая вера Чичиковых – этого порождения сумеречного сознания гоголевского гения, так и не избавившегося от меланхолии, – в деньги и власть, и наивная вера фотографа Андре де Дьен'а в саму возможность избавиться от грусти при встрече с будущей Мэрилин Монро, лишь соединив в тексте женщину, поэзию и философию – «A book of poetry and philosophy... I had in mind to put together» [1]. Писатель и фотограф – разные способы остановить свое время. Это так же несбыточно, как «смонтировать» добро и зло; Good и Goods, добродетель и товар; А. П. Чехова и П. И. Чичикова; Norm'у Jeane Baker, урожденную Mortenson, и Marilyn Monroe... Without make-up она ближе Лолите, чем Marilyn. Трудно, но она всё же выживала, пока была Нормой Джин, пока была страдающей душой, учитывая судьбу ее матери, по-видимому, как это ни парадоксально, близкой Н. В. Гоголю, спавшему в кресле сидя; став же Мэрилин Монро – самым успешным глобальным товаром XX в. в человеческом обличье, она с неизбежностью погибла, как только товар полностью вытеснил ее душу из блестящей оболочки. И толика человеческого, что охраняла этот секс-символ американской Super Culture – это фотографии; как сказал кинокритик Дэвид Томпсон, – «они защищали ее от самой ее жизни» [2]. Это единственное, что было доступно. Никакой приватности, ни единого уголка души, где она могла бы быть собой – только бесцеремонная публичность: всё на продажу. Нашествие массовой культуры, о котором философы предупреждали, начиная с Х. Ортега-и-Гассета; и последующее нашествие экранной культуры, немymi свидетелями становления которой мы являемся, привели к полной гибели Privacy и рождению новой Publicity. Странно, но на месте Мэрилин Монро хотело бы оказаться множество людей. Интенция публичности стала определяющим мотивом не только судьбы современного человека, но и его повседневности. Трагическая же судьба Мэрилин Монро, действительно, лучшего американского товара XX в., уже при ее жизни ставшего глобальным, казалось бы, как нельзя лучше показывает последствия безудержного стремления к публичности, а на деле – стремления к смерти. В. Набоков, конечно, во многом прозорлив: З. Фрейд, сумевший (в столь же безудержном стремлении к респектабельности, как и современный человек в стремлении к публичности) превратить клинический метод психоанализа в весьма спорную культур-философию, наверное, шарлатан, но экспликация дихотомии «влечение к жизни/влечение к смерти» (соответственно, Эрос/Танатос) весьма наглядна при анализе поведения человека в современной культуре. По-видимому, интенция публичности, столь распространенная и характерная для Screen-Culture, и есть репрезентация «инстинкта смерти» (иначе, «мортидо»). Такого рода товары, как успешная гипер-публичность (Hyper-Publicity), появились гораздо раньше глобального рынка, но именно они обеспечили его promotion и успех, которым мы имеем возможность «наслаждаться» при жизни.

То, что оценочная стоимость произведений Пикассо превышает капитализацию отечественного «дауншифтера», выступающего под слоганом «Мечты сбываются!», известно давно (предприятие «Россия» с компанией Apple не сравнимое – это травматично), но вот «летающее платье», именно «платье», точнее даже – «юбка» (Skirt), и уж совсем... – «подол (юбки)» и это обоснованный перевод, поскольку речь идет об образе, в котором, помимо, собственно, Мэрилин Монро, и участвовал подол (юбки) знаменитого платья цвета слоновой кости от William Travilla... Поп-источники описывают эту шмотку как «один из культовых образов 20 века» (sic!): «The Marilyn Monroe's Iconic Flying Skirt has been described as one of the iconic images of the 20-th century...» (курсив мой. – А. И.) [3]. Но далее такая «бухгалтерия»: когда киношка с отвратительным названием «Seven Year Itch» вышла в прокат в пуританской Америке в июне 1955 г., касса составила порядка 4,5 млн. долларов, и это для прокатчиков был один из самых коммерчески успешных проектов сезона [4]. А выручка от аукционной продажи 19

июня 2011 г. Marilyn Monroe's «Flying Skirt» составила 4,6 млн. долларов [5]. Номинально (девальвация – девальвацией, но это все же – не деревянный рубль) box office «Seven Year Itch» в течение премьерного сезона составил такую же сумму, что и продажа платья Мерилин Монро, т. е. продажа вторичного товара (и, не в смысле, б/у), спустя 56 лет... Это – о способности глобального товара под названием «Marilyn Monroe» превращать в товар всё, к чему она прикасалась. По сути, ее образ – это инвестиция, которая со временем не девальвируется, а только многократно повышается в цене: свободный рынок, который не по нашей воле, кстати (или не кстати), пришел на нашу землю с чужбины... Риторический вопрос по типу советской кальки «А что ты сделал...?!»: «А вы когда-нибудь сдавали вещи в А.И. «комиссионку», спустя 56 лет?». Новая общность людей – советский народ... Кто ж мог предположить, что эти «лаборанты» не знают второго начала термодинамики – они оказались слишком хладнокровны и не смогли передать растерянной стране теплоту своей заботы – у них попросту не оказалось тепла не для себя: Пикассо и Газпром; «Недоеденное яблоко» и «Россия»... Сын К. Циолковского застрелился, потому что слишком (для жизни) хорошо знал второе начало термодинамики... «Знающий никогда не поступит дурно...», – Сократ ошибся насчет Игнатия: бывает и горе от ума... Те, кто учредил капитализм в постсоветской России, такими «заболеваниями» не страдают – они будут первыми в новейшей европейской истории, кто изобрел вечный двигатель власти с помощью нехитрых приспособлений: текста Конституции и наречия «подряд». Бедный Ф. Шлейермахер и бедный-бедный... Нобелевский комитет.

Товар «Marilyn Monroe» был настолько хорош, что делал товаром других и другое, практически всех и всё, что с ней соприкасалось: ее образ обеспечивал успешный promotion чего угодно – от Coca Cola до Mr. President'a; товар «Marilyn Monroe» сделал «товаром» и ее первого по-настоящему профессионального фотографа – Андре де Дьен'a. Но и сам фотограф подтверждал правоту Э. Фромма в отношении рыночного человека, который озабочен только одним – как не утратить способности продаваться. Фотограф (графоман – графотот?) – такой же одержимый, но не удовольствием от письма, а властью, точнее, ощущением власти над временем, ведь кто такой фотограф, как не останавливающий время?... Быть может, фотограф – разновидность Web-Андрогина, та самая, которая ориентирована на упрощенные, даже по сравнению с языком и текстом социальных сетей, visuals – т. е. на потенции, развернутые в эмбриональном виде в Instagram? Глаза вместо мозга? Это забавно. В прежние времена Демокрит ослепил себя, чтобы visuals не мешали думать. Но вряд ли бы так же легко он отказался от ощущений и прикосновения, даже в пользу мысли... Вот и вся разница: жизнь без мысли... Зрение – это удовольствие, мысль – бремя...

Получается, что в 1945 г. Андре де Дьен, не будучи еще столь известным как позднее, после съемок Нормы Джин намеревался с помощью нее создать и продать некую книжку, чье содержание должно было быть философско-поэтическим. По-видимому, философия с поэзией в послевоенной Америке отдельно от изгибов юного женского тела продавалась не лучше, чем сейчас. Отдельно от чего-то другого – того, что философией никоим образом не является, философия продается неважно и до сих пор; даже будучи частью, в принципе, нужных вещей, как, например, образования, она продается из рук вон плохо – все-таки лежалый товар (две с половиной тысячи лет). Да что там, она старше христианского бога на полтысячи лет. Она не нужна никому ни в чистом виде, ни в составе (университетского) образования. И уроженец Трансильвании, но американец по духу и месту будущего проживания, Андре де Дьен мог это исправить! Только и нужно было, что смонтировать образ будущей Marilyn Monroe с безобразной старухой философией и, впридачу, поэзией – дамой не от мира сего, всегда невыносимо капризной и непоследовательной, сведшей в могилу не одну сотню очарованных молодых людей (про наше всё – А. С. Пушкина – не будем, просто – не повезло; пистолеты – это не его...). Разве что Иосиф устоял. Может, потому, что капризен был не меньше самой поэзии.

Своевременное: об Иосифе... 1994 год, В. В. Калининченко уехал к супостатам... Так я оказался в огромной аудитории, наполненной студентами, которые заметили меня только после того, как вместо (прости, Господи) лекции по/о философии я начал читать «Стихи о принятии мира» И. Бродского. Помните: «Всё это было, было... <...> на поиски разных истин, чтоб начисто заблудиться в жидких кустах амбиций... ассоциаций, концепций и – просто среди эмоций. <...> но, главное, не повторяться. Нам нравится постоянство. Нам нравятся складки жира на шее у нашей мамы <...> и, в общем, планета наша...» [6, С. 20]. Потом кто-то из них подходил и время от времени спрашивал: приду ли я снова...; теперь я понимаю, им нужен был, конечно же, не я, и даже не В. В., который, вернувшись из расточительной Европы, успокаивая меня перед лекцией, говорил: я им пытаюсь рассказать о сути дела...; им нужен был Бродский, просто – совпало. Хотя у моей мамы не было, как помнится, складок жира на шее... И в этом, собственно, есть суть поэзии: она – для тебя; она всегда обращается только к тебе и ни к кому больше; она (и Бродский) видит в тебе человека, с которым можно говорить.

Несвоевременное (о расточительности): Европа, где кофе-машины работают по ночам... Одну В. В. так выключил, чем, по-видимому, запустил программу энергосбережения задолго до Еврокомиссии, но почему-то тогдашние евроскептики, придя поутру на работу, были не рады...; В. В. на них не обиделся –

он был большой и добрый человек: как-то, побродив в одиночестве и тишине по улочкам то ли Бохума, то ли Фрайбурга, он вдруг что-то почувствовал... о чем по возвращении сказал: «Вот здесь, я бы мог жить...» Это правда: ушедшие – наши первые боги... Как сказал «всё тот же» И. Бродский в своей невозможно пафосной Нобелевской лекции: «Эти тени смущают меня постоянно, смущают они меня и сегодня. Во всяком случае, они не поощряют меня к красноречию. В лучшие свои минуты я кажусь себе как бы их суммой – но всегда меньшей, чем любая из них в отдельности. Ибо быть лучше их на бумаге невозможно; невозможно быть лучше их и в жизни, и это именно их жизни, сколь бы трагичны и горьки они ни были, заставляют меня часто – видимо, чаще, чем следовало бы – сожалеть о движении времени. <...> и любая из них способна обречь на абсолютную немоту» [6, С. 6].

Несвоевременное: и совсем иначе дело обстоит с «вещами» нашего сознания – верованиями: в религию, государство, философию, науку, Университет...

Кто бы мог подумать, что А. Нобель – этот неудачливый графоман и посредственный поэт сможет заставить поэтов от бога с замиранием сердца говорить проникновенные вещи – общего же между ними было только одно: и они, и «динамитный король» знали толк в одиночестве и смерти. Для некоторых из них и для И. Бродского, прежде всего – оно было формой жизни. Предпочтение частной жизни, со слов о котором он начал свою Нобелевскую лекцию, действительно завело его далеко от родины: «...лучше быть последним неудачником в демократии, чем мучеником или властителем дум в деспотии» [6, С. 5], – любил ли он ее, и любила ли его она – неизвестно; возвращался ли он на день на родину – что само по себе симптоматично – тоже своего рода загадка для широкой публики, в которой он по молодости лет так остро нуждался, начиная, порой, декламировать свои нездешние рифмы прямо в очереди в булочной. Это сказано справедливо – «если искусство чему-то и учит... то именно *частности человеческого существования*» [6, С. 7] (курсив мой. – *А. И.*), – здесь-то они и сближаются с философией, с той только разницей, что на ее (в большинстве случаев) казенном языке речь бы шла о неустранимой экзистенциальности конкретно-личного бытия и избавлению от подобной намеренной и квазинаучной казенщины не помогает даже главное достоинство философского мышления – саморефлексия.

Литература

1. Опубликованы ранее неизвестные фото Мэрилин Монро без макияжа [Электронный ресурс] // Газета.ru. – 2016. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/culture/photo/opublikovany_ranee_neizvestnye_foto_merlin_monro_bez_makiyazha.shtml#!photo=12&full.
2. Высказывания о Монро [Электронный ресурс] // Marilyn Monroe. – 2016. – Режим доступа: <http://www.marilyn-monroe.spb.ru/articles/raznoe/viskazivaniya>.
3. Behind-the-Scenes of Marilyn Monroe's Iconic Flying Skirt (PHOTOS) [Электронный ресурс] // Bio. – 2016. – Режим доступа: <http://www.biography.com/news/marilyn-monroe-seven-year-itch-dress-photos>.
4. *Spoto Donald* Marilyn Monroe: The Biography. Blue Ridge Summit, PA: Cooper Square Press, 2001. p. 331.
5. Marilyn Monroe's Seven Year Itch dress sells for \$ 4.6 m [Электронный ресурс] // BBC News, Entertainment and Arts, 19 June 2011. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/entertainment-arts-13828609>.
6. *Бродский И.* Сочинения. В 4 т., Т. 1 / Сост. Г. Ф. Комаров. – СПб.: Пушкинский фонд; Третья волна, 1992.